

УДК 008

Закат традиционной культуры тувинского этноса в условиях формирования Тувинской Народной Республики

Зыкин Алексей Владимирович

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков и культуры речи,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
196605, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 2;
e-mail: zykinalex@mail.ru

Аннотация

Создав Тувинскую Народную Республику, руководство СССР объявило курс на формирование новой советской культуры взамен традиционной. Внедряемая насильственным методом в культуру тувинцев в 30-40-х гг. советская культура нанесла непоправимый урон культурному коду тувинцев. Начавшееся еще во времена существования ТНР коренное преобразование народной культуры стало ярким примером «догоняющей модели», чья суть заключается в ускоренном отказе от традиционализма и принятии норм индустриального социума. При этом совершенно не принимались во внимание интересы этноса, традиции и обычаи предков фактически установился полный запрет, игнорировалась специфика издревле сложившегося жизненного уклада и тувинская ментальность, что способствовало в последующий период существования СССР возникновению апатии в обществе и разрастанию чувства национальной неполноценности. Приход к оседлости с параллельным отказом от привычного многовекового кочевья кардинально изменил культуру. По причине насильственного характера модернизации страны в существенной степени поменялся вектор ее динамики. Переход к новому порядку жизнеустройства произошел силовым методом, который привел к созданию абсолютно новой общественно-культурной системы, продолжающей видоизменяться весь советский период, трансформирующейся до сих пор.

Для цитирования в научных исследованиях

Зыкин А.В. Закат традиционной культуры тувинского этноса в условиях формирования Тувинской Народной Республики // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 5А. С. 45-55.

Ключевые слова

Культура, духовная культура, традиции, ценности, праздники, Тува, тувинцы.

Введение

В представленной статье анализируются особенности культуры и народного самосознания тувинцев как коренного южно-сибирского этноса в качестве продолжения предшествующих работ [Зыкин, 2018а], в которых рассматривались другие народности этого региона (шорцы [Зыкин, 2017а, 2017б, 2018б, 2018в] и хакасы [Зыкин, 2018г]), отличительные черты их языка, культуры и те процессы, с которыми им приходится сталкиваться в общем [Зыкин, 2015, 2016а, 2016б].

Двадцатые годы XX столетия в международном плане интересны тем, что появилось второе, после Советского Союза, социалистическое государство – Тувинская Народная Республика. Руководство страны незамедлительно объявило курс на формирование новой культуры взамен традиционной: советской по содержанию и европейски ориентированной по форме. Приемлемые заимствования, как правило, обогащают культуру, но иногда они остаются чуждыми национальной культуре, воспринимаются формально, как, например, бритье бород или питье кофе на Руси во время Петровских реформ. Внедряемая насильственным методом в культуру тувинцев в 30-40-х гг. советская культура отторгалась большинством населения, но была воспринята теми, кто руководил жизнью страны. При этом сопротивление было крайне опасно, поскольку на фоне разворачивавшихся репрессий могло привести не только к тюремному заключению, но и к смерти.

Основная часть

Первое советское правительство Тувинской республики включало людей, по-разному смотревших на многие вопросы, имевших разное классовое происхождение и сильно отличающиеся политические устремления. Несмотря на это, оно пыталось модернизировать многовековую тувинскую культуру, параллельно сохранив ее ключевые особенности. Этому способствовали действия в культурной сфере, свидетельством которых стало отмечание народных празднований тувинцев и возникновение новых разновидностей профессионального искусства. Один из документов правящей партии за 1923 г. содержит постановление об учреждении нескольких праздничных дней в честь возникновения независимой республики Танну-Тува: 1. Дата формирования в 1921 г. «Угудар яамы» (организационного (агитационного) бюро) и самой республики; 2. Даты формирования в 1922 г. республиканского правительства и формирования ТНР (с 28 февраля по 1 марта – период работы I съезда); 3. Дата формирования партии как утверждение ее влияния в государстве (06.07.1923 г.); 4. Уже праздновавшийся до этого новогодний Шагаа было решено не отменять, поскольку он являлся неотъемлемой частью местной культуры, и его отмечали исстари [Зыкин, 2018а, 711-723].

Помимо этого, устанавливалась новая значимая дата – 7 ноября, в которую должна была отмечаться годовщина Октябрьской революции, освободившая трудовой народ и подарившая надежду остальным народам мира.

Первоначальный состав республиканского правительства (множество участников которого до этого являлись хуурак, то есть учениками лам) проявлял заметную лояльность к религиозным верованиям тувинцев. К примеру, конституция, одобренная Всетувинским учредительным съездом, прошедшим в конце лета 1921 г., включала параграф 4, в котором законодательно фиксировалось право всех граждан Танну-Тува на исповедование любых религиозных воззрений. Духовные лица, а также ховраки, являвшиеся скотоводами и хлебопашцами, обязывались наравне со всеми выполнять общественные повинности, из чего следовало их равное право с остальными гражданами республики на занятие общественных должностей.

Вместе с тем духовные лица, не ведущие самостоятельного хозяйства, чьим способом существования являлись средства, даваемые им за богослужения, лишались права вмешиваться в мирские дела, но в то же время освобождались от какой-либо повинности [Спасибо Октябрю, 1987]. Другими словами, на конституциональном уровне был зафиксирован принцип «свободы совести» так, как его понимали еще в первой программе Российской социал-демократической рабочей партии в 1903 году, но в Советской России этот принцип трансформировался в «отделение церкви от государства и школы от церкви».

В ТНР резкие изменения были сопряжены с приходом к власти С. Тока, окончившего созданный коммунистами Университет Трудящихся Востока, прославившийся тем, что из него вышло в 1920-1930-е гг. множество глав социалистических государств, расположенных в Азии. Этим было положено начало активному переориентированию тувинского населения с восточной культуры (китайской, монгольской, тибетской) на западную (в первую очередь, российскую). В 1920-х гг. большая часть тувинцев ориентировалась на Монголию, а культуру этой страны они считали похожей и близкой. В период с 1930 по 1931 гг. советский функционер П. Маслов¹, под чьим руководством в это время велась перепись населения в ТНР, замечал, что местное население относится к соседней Монголии как к «старшей сестре». Молодые люди посещали Улан-Батор, чтобы получить образование, а закончить школу Партии для ревсомольцев мечтали многие, так как это считалось особым знаком отличия и уделом избранных. Все это способствовало уважительному отношению к данной стране. Стоит заметить, что внедрение тувинской письменности существенно пошатнуло статус монгольской культуры среди населения, однако отдельные обычаи сохранились [Маслов, 1933, 18]. Отметим, что тувинская письменность создавалась на базе латиницы, а затем кириллицы, как, впрочем, и у народностей Сибири и Алтая, а это давало ориентиры уже на русскую культуру. К примеру, в документах резолюции VIII съезда Партии ТНР в 1929 г. констатировалось, что с учетом того, что разработка тувинской письменности и ее модернизация займут не один год, а обучение монгольскому языку и письму является нелегким занятием для местного населения по причине отсталого и малокультурного характера самого монгольского языка, требуется начать преподавать школьникам русский язык как отличающийся большей культурностью и, в отличие от конкурента, позволяющий подготавливать высококвалифицированных специалистов. Сначала в 1930 году в Туве была внедрена письменность на базе латиницы, а спустя десятилетие – в 1941 году – республика перешла на кириллицу.

Слияние культуры Тувы с общей советской культурой СССР проходило быстро. В партийном документе за 1934 г. упоминалось, что существует множество примеров, демонстрирующих, сколь сильно местами продвинулся вперед быт арата² в культурном плане. Одним из таких примеров послужила квартира товарища Тамдынжапа, занимавшего тогда пост председателя Улуг-Хемского хошуна³, и его супруги. Она была двухкомнатной, в ней имелись кровати европейского образца с опрятными покрывалами, на стенке висела географическая

¹ Маслов П. – руководитель переписи населения Тувы, проводившейся по инициативе СССР в 1931 году. Автор книги «Конец Урянхая».

² Арат – у монголов и тувинцев обозначает крестьянин, скотовод.

³ Хошун – основная единица военно-административного управления, введенная в Туве властями цинского Китая. На хошуны была разделена Тувинская Народная Республика (1921-1944). В советское время хошуны назывались районами. После распада СССР с образованием Республики Тыва в составе РФ они снова стали называться кожуунами (хошунами). Хошун как единица административно-территориального деления по статусу приравнена к волости, также существовала в Бурятии с 1917 по 1927, Монголии с 1916 по 1931 гг.

карта, также в комнате располагались табуретки и столы с книгами. Сама квартира была очень чистой, а супруги Тамдынжап использовали традиционный русский самовар для приготовления чая. Тем не менее, не нужно считать, что подобные нововведения беспрекословно одобрялись местным населением. Возмущение чувствовалось, и более наглядно оно выразилось весной 1930 г. в рамках Дзун-хемчикского бунта, прошедшего в Монгун-Тайгинском, Барун-Хемчикском и Овюрском кожуунах. В данном бунте приняли участие 270 тувинцев. Они призывали пересмотреть право участвовать в выборах и общественно-политические права для отдельных групп населения – малоимущих слоев, середняков и духовенства. По мнению С. Монгуша, опирающегося в своей оценке на записки непосредственного очевидца данного происшествия – Феликса Сегленмея, ключевым фактором бунта стало нарушение старинных тувинских обычаев и традиционных воззрений. Повсюду велись собрания под девизом «Арын=чазар», что означало «Долой стыд». В ходе собраний у тувинков срезали косы, отнимали этнические украшения (кольца, сережки, чавага⁴), вынуждали публично вести откровенные разговоры, в частности, обсуждать детали интимной жизни» [Монгуш, 2001, 85].

Подобных акций было немало на территории всей республики. Это подтверждает и другой очевидец тех событий Кужугет Шойгу. Он вспоминает: «однажды по аалам (аал – селение) разнеслась весть: в сумоне (административно-территориальная единица в Туве) будет хурал⁵ хувискаалчы (революционной) молодежи... Молодежь сидела на полу хурэ⁶, подобрав под себя ноги... От былого великолепия и красоты храма, которые однажды мне удалось видеть, ничего не осталось. Все бронзовые фигурки и статуи буддийских богов валялись на полу. У некоторых из них были отбиты руки и ноги. Музыкальные инструменты – бушкуур⁷, шан⁸, кенгирге⁹ и другие – постигла та же участь.

Бурханы¹⁰, множество дагылов – чашечек для лампадок и жертвоприношений – лежали под ногами. Этим ревсомольцы наглядно демонстрировали молодежи, что религия – это «дурман, опиум для народа, позорный пережиток прошлого». То, что все это было создано талантом людей, приобретено за народные деньги, привезено из Тибета, в конце концов, было очень красивым, не принималось во внимание. Наступило время «острой революционности», и власть предрержащие уничтожали исторические реликвии, сжигали монастыри. На том собрании проводилась линия на искоренение старых народных традиций и популяризацию новых, революционных» [Шойгу, 2001, 128].

С еще большими переживаниями и подлинными трагедиями людей шел процесс перехода на оседлый образ жизни. К.С. Шойгу пишет, что народ пошел работать в колхозы, а понятие

⁴ Чавага – женское украшение для кос из серебряной пластины, более пяти нитей бус и кистей.

⁵ Хурал – традиционное название представительных органов власти в Монголии, а также ряде республик в составе РФ – Тыве, Бурятии.

⁶ Термин, обозначавший крупные монастыри в Монголии, Туве и первоначально в Бурятии, где его впоследствии вытеснило слово дацан

⁷ Бушкуур – духовой буддийский инструмент длиной от 60 до 80 см, технически подвижный, обладающий очень сильным звуком.

⁸ Шан – ударный инструмент. Это большие тарелки вогнутой формы, применяющиеся в составе буддийского оркестра, обладающие сильным, звонким и долго не затухающим звуком, напоминающим звучание тарелок симфонического оркестра.

⁹ Кенгирге – двусторонний барабан буддийского оркестра, обтянутый с обеих сторон кожей диаметром мембран в среднем 70-80 см.

¹⁰ Бурх(к)ан (от слова «Будда» или «Будда-хан») в мифологиях тюркских народов (тувинцев, киргизов, уйгуров), монгольских народов обозначение Будды, бога вообще.

«земли предков» осталось. Отдельные араты, не обладая возможностью, либо не желая покидать землю предков, отсрочивали переселение, начинали вести оседлый образ жизни. Были и те, кто совершенно не желал бросать родные места. Их вынуждали поселяться в домах, используя силу [там же, 190-191].

По причине изменения образа жизни сильно поменялся и облик тувинцев: все мужчины и большинство тувинцев срезали длинные косы, стали предпочитать европейскую одежду. По сообщению А.А. Пальмбаха: «среди большого числа новых словообразований особый интерес представляет слово херээжен – женщина, принятое в 1931 году по итогам республиканского конкурса для замены ранее существовавшей унижительной клички херээчок – буквально «бездельница, ненужная». Это слово образовано путем сложения первой части устраняемого слова херээчок – херээ – дело, что осмысливается при отсутствии чок (нет) как имеющий дело, занятой, трудолюбивый, и первой части русского слова женщина – жен» [Пальмбах, 1942, 76]. Менялся и традиционный этикет. Приведем типичное высказывание того времени: «ревсомольцы хоронили дедовские советы. Готовясь угощать нас чаем и кровяными колбасками из барана, которого на семейном собрании постановили забить, чтобы накормить гостей, сходили за родниковой водой, принесли сухие ветки деревьев, подогрели воду, дочиста отмыли посуду. От Тувздрава пришел напечатанный лозунг: «Долой общую чашку и трубку». Немытая чашка и табачная трубка вкруговую, изо рта в рот – рассадник заразы. Это теперь знают. А удержаться, бросить привычку труднее всего: она – от дедов, прадедов, в каждой минуте жизни. Сейчас пришло время покончить с этим» [Революция нам силу дала, 1987, 42]. Безусловно, трубка и чашка, передаваемые в соответствии с давней традицией всем приглашенным, как символы единения и дружбы, были и источником передачи инфекций, но запреты выносились в качестве указаний, что, естественно, в тувинской среде воспринималось как поругание традиционной культуры народа.

По мнению Н.П. Москаленко, большинство отрицательных общественных процессов в Тувинской республике были одной природы с другими повсеместными советскими явлениями. К ним, в том числе, можно отнести неудавшуюся попытку сформировать колхозы в 30-х гг., притеснения представителей духовенства, ожесточенное внутрипартийное соперничество, повлекшее за собой беспочвенные обвинения и репрессии, желание навсегда избавиться от определенных тувинских обычаев [Москаленко, 2002, 76]. С конца 30-х годов перестали совершаться традиционные обряды и праздники, составлявшие основу тувинского этноса. В партийных документах указывалось: «необходимо максимально усилить антирелигиозное воспитание членов НРП и РСМ (Революционный Союз Молодежи) и решительно искоренять явления, связанные с выполнением религиозных обрядов и иных предрассудков членами НРП». Постепенно, как националистическое, было запрещено и новогоднее празднование Шагаа, которое было государственным еще в 1920-х гг. Г.П. Курбатский отмечал, что новые обряды ускорили вытеснение стародавних. Прежние празднования (оваадагыр¹¹, бугадагыр¹², от дагыр и др.) не прижились в новообразованной ТНР, поскольку объединялись в сознании народа с государственной эксплуатацией и подавлением проявлений духовности. И все же в их содержании и формате были этнические элементы, поэтому отказ от них сделал новую обрядность намного беднее. Поэтому вначале революционно-патриотическим праздникам не

¹¹ Освещение (оваа – культовое сооружение из камней и веток, вид древнего жертвенника).

¹² Обряд освещения оросительного канала.

хватало национальной специфики, их эмоциональная сторона сводилась, по существу, к политическому докладу» [Курбатский, 2001].

Влияние ламаизма как национальной формы Северного буддизма на жизнь тувинцев было настолько велико, что в первые годы Тувинской республики признавалось государством: 8 марта 1928 г. в Кызыле даже состоялся съезд буддистов, в котором поучаствовали члены 26-ти хурэ – монастырей. С речью на нем выступил Куулар Дондук, занимавший в то время пост председателя тувинского Совета министров. Он попросил представителей духовенства о помощи в обучении тувинцев монгольскому письму. Однако совсем скоро, в начале 1930-х гг., проведение съезда будет оцениваться однозначно отрицательно, а К. Дондук будет репрессирован. Если в течение 1922-1928 гг. численность монастырей возросла с 22-х до 26-ти, то уже в конце 30-х – начале 40-х годов они были полностью уничтожены. Многие хурэ были глинобитные, каменные, и понадобилось несколько лет, чтобы от них практически не осталось и следа; на сегодняшний день специалистам не всегда под силу отыскать те места, где они прежде стояли. В корне изменилось и отношение государства к представителям духовенства: осенью 1929 г. республиканский Совмин вместе с членами президиума Малого Хурала лишили избирательных прав «класс эксплуататоров», включая лам и шаманов. За данными событиями последовало их преследование и физическое уничтожение.

Помощь духовным лицам, сокрытие священных писаний и атрибутов религиозного культа строго карались. С наступлением 1940-х гг. в ТНР не осталось ни одного религиозного деятеля, по крайней мере, на официальном уровне. За какое-то десятилетие общество претерпело глубинные преобразования, его члены обязаны были стать атеистами, отрицавшими не только религию, но и всю традиционную культуру. Она подвергалась гонениям как чисто религиозная, а значит, вредная для народа. Свидетели тех событий рассказывали, что среди первых колхозников были люди, желающие оставить обрядовую сторону жизни неизменной, включая ритуалы, проводимые после завершения посевов зерна, после работ на каналах орошения. Расплатой за подобные обряды становились строгие взыскания по партийной линии. Больше всех пострадал молодежный праздник ойтулааш (лунная игра – праздник любви и молодежи), запрещенный уже в 1929 году.

В результате кардинального изменения местной культуры все старинные обряды и празднования более полувека проводились фактически подпольно, а ойтулааш больше никогда не проводился. Практически за 20 лет ТНР изменилась до неузнаваемости. Система школьного обучения выстраивалась по образцу СССР и базировалась на идеях всеобщего образования, светскости и равноправия полов. В Республике функционировали 3 разновидности образовательных учреждений: летние школы, школы-интернаты и обычные (приходящего ученичества).

Интернаты находились в сумонах и хошунах. Учреждения сумонного типа были обязаны включать начальные два класса, но на самом деле до конца 1930-х гг. большинство из них предлагало обучение исключительно в первом классе. К примеру, в 1938-1939 учебном году обучение во 2-м классе предлагалось лишь в семи сумонных образовательных учреждениях, но по прошествии всего лишь года эту возможность предлагали уже 29 учреждений из 49-ти. Такое несоответствие между двумя типами школьных учреждений, как и кочевничество родителей, стали причиной повального отсева среди обучающихся. К примеру, в 1939-1940 гг. в 1-м классе обучались 1658 школьников, во 2-м – 986, в 3-м – уже 226, а в 4-м – лишь 155. Обязанность оплачивать обучение в сумонном интернате была возложена государством на родителей учащихся. При этом хошунские учреждения включали 4 класса, а за учащихся платило само советское правительство. Хошунские интернаты были последним этапом общего образования.

После окончания подобной школы ученик мог выбирать между дальнейшим поступлением в учебный комбинат или работой.

За период с 1932 по 1933 гг. появилось 6 новых образовательных учреждений приходящего ученичества, закрепленных к приискам и государственным хозяйствам. Столь небольшое количество школ подобного типа обуславливалось тем, что большинство тувинского населения еще не перешли на оседлую жизнь. В период 1934-1939 гг. в Тувинской республике вблизи летних стойбищ начинали свою работу соответствующие школы, создаваемые по просьбе самих граждан и в соответствии с указом VI съезда Малого Хурала. Они были рассчитаны на 2 года, принимали учеников с начала июня по середину августа. Объем обучения составлял 300 часов. Учились в них дети в возрастной группе 12-17 лет, при этом в 1 классе изучался тувинский язык, основы арифметики, естествознание, также преподавалась физическая культура. У второклассников добавлялся новый предмет – география. По данным за 1939 г. в республике функционировали 42 летних школы, в которых проходили обучение 1640 тувинцев, однако в том же году их решено было преобразовать в интернаты. Невзирая на огромное число недостатков, включая кратковременность обучающего процесса и недоступность полного образования, они обладали существенным преимуществом – не отрывали детей от традиционной деятельности скотоводства. Такая форма обучения могла бы развиваться в ТНР, однако она не нашла распространения, так как подобной школы не было в СССР. По итогам данных процессов в республике начался дефицит чабанов – представителей наиважнейшей для тувинцев профессии.

С 1930 года центрами культуры в ТНР были красные юрты-передвижки, а в Тоджинском кожууне эту роль выполняли палатки, оснащенные разнообразными музыкальными инструментами, миниатюрной библиотекой и даже радиоприемниками. Среди библиотечной литературы были частично представлены издания на тувинском языке. Советские специалисты, работавшие в красных юртах, оказывали местному населению всестороннюю помощь в ликвидации безграмотности, занимались чтением лекций на ключевые темы общемировой и советской политики, аграрную тематику, давали полезные советы относительно оседлой жизни, которая для тувинских граждан была пока в новинку. В дальнейшем, в 1958 г., по причине разрастания количества библиотек на селе, красные юрты подверглись реорганизации в агиткультбригады. В красных юртах населению рассказывали о жизни в СССР, там читали газеты, устраивали представления на тему народной самодеятельности. Подобный формат культурно-просветительской работы подходил местным жителям, проживавшим в отдалении друг от друга, в небольших аалах.

Тува, позднее других народов СССР вступившая на социалистический путь, по воле партийного руководства должна была пройти его в сжатые сроки, поэтому не было времени задуматься, надо ли так бездумно копировать другую культуру. Сейчас это время есть и, самое главное, возникла необходимость в пересмотре сложившейся модели культуры. В том, что, пожалуй, самым популярным жанром в театральном искусстве является все же концерт артистов, ставший точкой отсчета для республиканского театра в 1936 г., есть своя закономерность. Ни в коем случае не следует умахать значения нового для Тувинской республики того времени события – создания профессионального искусства. Тогда при сложившихся обстоятельствах не могло быть по-другому.

Надо обратить внимание на роль гуманитарной науки того времени и последующего советского периода. Ученые точно так же, как и деятели культуры и искусства, выполняли все указания партии. Литературоведы, театроведы, искусствоведы национальных республик писали огромное количество научных трудов о корнях и истоках своего искусства, отлично осознавая

при этом, что роль народной культуры в современных видах искусства минимальна. Вторая, столь же существенная проблема искусствоведения социалистического периода – требование партии писать о взаимовлиянии, диалоге между культурами. Г.Н. Курбатский писал: «Заимствование советских форм празднования – одно из проявлений сближения ТНР и СССР» [там же]. Этот процесс, безусловно, происходил, но вопрос о взаимодействии тувинской народной культуры и культуры Советского Союза так и останется невыясненным. Большая проблема советской науки заключалась также и в том, что ученые опирались на идею социалистического реализма, но заниматься конкретно предметом, если предполагаемые результаты исследования шли вразрез с политикой, они не имели возможности. Сам соцреализм в качестве художественного (литературного и творческого) метода считался ведущим в Советском Союзе и других соцстранах. Он главным образом выражал социалистические воззрения на мир и людей, что объяснялось борьбой за укрепление социализма в стране и его дальнейшее распространение. Появление и развитие соцреализма было сопряжено с ростом популярности идей социализма как общественного строя во многих государствах, а также объяснялось возникновением и усилением революционного рабочего движения [Горький, 1935, 390; Луначарский, 1933, 3; Круглова, 2005].

Начавшееся еще во времена существования ТНР коренное преобразование местной народной культуры стало ярким примером «догоняющей модели», чья суть заключается в ускоренном отказе от традиционализма и принятии норм индустриального социума. При этом совершенно не принимались во внимание интересы этноса: на традиции и обычаи предков фактически установился полный запрет, игнорировалась специфика издревле сложившегося жизненного уклада и тувинская ментальность, что поспособствовало в последующий период существования СССР возникновению апатии в обществе и разрастанию чувства национальной неполноценности у тувинцев. Трансформация представляет собой коренное преобразование всех областей общества и обязательно – культуры. Республика стала местом проведения культурной колонизации (согласно трактовке Л.Г. Ионина) [Ионин, 1995, 3-14; Ионин, 1996, 31-42], в ходе которой наблюдалась замена привычных ценностных норм, образа жизни и моделей поведения общесоветскими, пришедшими извне, из другой и совершенно чуждой среды.

Заключение

В качестве вывода укажем, что трансформационные процессы в Тувинской республике можно назвать по синергетической терминологии точкой бифуркации. В первую очередь они затронули ценности духовной культуры и особенности образа жизни. Приход к оседлости с параллельным отказом от привычного многовекового кочевья кардинально меняет и культуру. По причине насильственного характера модернизации страны в существенной степени поменялся вектор ее динамики. В роли аттрактора выступила советская модель общественного устройства. В Тувинской республике переход к новому порядку жизнеустройства произошел силовым методом, который привел к созданию абсолютно новой общественно-культурной системы, продолжающей видоизменяться весь советский период.

Библиография

1. Горький М. О литературе. М., 1935. С. 390.
2. Зыкин А.В. Анализ этнокультурной идентичности и этноидентификации коренных народов Южной Сибири // Международный научно-исследовательский журнал. 2016б. №7 (49). С. 114-119.

3. Зыкин А.В. Влияние билингвизма на состояние языковых систем русского и тюркских языков Южной Сибири // *Общественные науки*. 2016а. № 2. С. 387-399.
4. Зыкин А.В. Значение этнонима «шорцы» в становлении культурного кода и самоидентификации шорского этноса // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2018б. №3 (36). С. 31-35.
5. Зыкин А.В. Культура и этническое самосознание шорцев в конце XX - начале XXI веков // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Познание. 2018в. № 3 (78). С. 17-20.
6. Зыкин А.В. Культурное своеобразие и этническое самосознание хакасов // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Познание. 2018г. № 4 (79). С. 15-20.
7. Зыкин А.В. К вопросу о национальной идее шорского этноса // *Успехи современной науки и образования*. 2017б. №4. Т.6. С.187-190.
8. Зыкин А.В. К вопросу о своеобразии праздничной (церемониальной) культуры тувинского этноса // *Миссия конфессий*. 2018а. Том 7. Часть 6 (№33). С. 711-723.
9. Зыкин А.В. О некоторых особенностях в понимании мироустройства шорцев: социально-философский анализ // *Успехи современной науки*. 2017а. №1. Т.2. С. 7-12.
10. Зыкин А.В. Социально-философский анализ традиционной культуры малых народов Сибири в сопоставлении с русской // *Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета*. 2015. №40. С. 7-10.
11. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // *Социологические исследования*. 1995. №4. С. 3-14.
12. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // *Социологические исследования*. 1996. №3. С. 31-42.
13. *История Тувы*. Новосибирск, 2001. Т.2. С. 137.
14. Круглова Т.А. Искусство соцреализма как культурно-антропологическая и художественно-коммуникативная система: исторические основания, специфика дискурса и социокультурная роль: автореф. дис... докт. филос. наук. Екатеринбург, 2005. 46 с.
15. Курбатский Г.И. Новая обрядность в Туве. РФ ТИГИ. Д. 348. Л. 4.
16. Луначарский А.В. Социалистический реализм // *Советский театр*. 1933. № 2. С. 3.
17. Маслов М. Конец Урянхая. М., 1933. С. 18.
18. Монгуш С.Ы. Прежде всего – правда // *Тува: XX век: Народная летопись*. Кызыл, 2001. С. 85.
19. Москаленко Н.Н. Этнополитические вопросы образования Тувинской Народной Республики (1921-1944) // *ЭО*. 2002. №2. С. 76.
20. Пальмбаха А.А. XII лет тувинской письменности // *Под знаменем Ленина-Сталина*. 1942. №1. С. 76.
21. *Революция нам силу дала // Спасибо Октябрю!* Кызыл, 1987. С. 42.
22. *Спасибо Октябрю!* Кызыл, 1987. С. 36.
23. Центральный Государственный архив Республики Тува. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 31.
24. Центральный Государственный архив Республики Тува. Ф. 1. Оп. 1. Д. 583. Л. 30.
25. Центральный Государственный архив Республики Тува. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1581. Л. 22.
26. Центральный Государственный архив Республики Тыва. Ф. 1. Оп. 1. Д. 583. Л. 32.
27. Шойгу К.С. Про черного грифа. Кызыл, 2001. С.128.

The decline of the Tuva ethnos traditional culture in the conditions of the Tuva Republic formation

Aleksei V. Zykin

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages and Speech Culture
Saint Petersburg State Agrarian University,
196605, 2, Peterburgskoe highway, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: zykinalex@mail.ru

Abstract

Having created the Tuvan People's Republic, the Soviet leadership announced a course for the formation of a new Soviet culture instead of the traditional one. Introduced by force into the culture of Tuvans in the 30-40s., Soviet culture has caused irreparable damage to the cultural code of

Tuvans. The radical transformation of folk culture that began in the times of THP was a vivid example of the “catching-up model”, whose essence is the accelerated rejection of traditionalism and the adoption of the norms of industrial society. At the same time, the interests of the ethnic group, traditions and customs of ancestors were not taken into account. In fact, a complete ban was established, the specifics of the ancient way of life and the Tuvan mentality were ignored, which contributed to the subsequent period of CCCP's existence, the emergence of apathy in society and the growth of a sense of national inferiority. Coming to a settlement with a parallel rejection of the usual centuries-old nomad radically changed the culture. Due to the violent nature of the country's modernization, the vector of its dynamics has changed significantly. The transition to a new order of life took place by force, which led to the creation of a completely new socio-cultural system that continues to change throughout the Soviet period, which is still transforming.

For citation

Zykin A.V. (2018) Zakat traditsionnoi kul'tury tuvinskogo etnosa v usloviyakh formirovaniya Tuvinskoi Narodnoi Respubliki [The decline of the Tuva ethnos traditional culture in the conditions of the Tuva Republic formation]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (5A), pp. 45-55.

Keywords

Culture, spiritual culture, traditions, values, holidays, Tuva, the Tuvans.

References

1. Central State Archive of the Republic of Tuva. F. 1. OP 1. D. 69. L. 31.
2. Central State Archive of the Republic of Tuva. F. 1. Op. 1. D. 583. L. 30.
3. Central State Archive of the Republic of Tuva. F. 1. OP 1. D. 1581. L. 22.
4. Central State Archive of the Republic of Tuva. F. 1. OP 1. D. 583. L. 32.
5. Gor'kii M. (1935) O literature [On the literature]. Moscow.
6. Ionin L.G. (1995) Identifikatsiya i instsenirovka (k teorii sotsiokul'turnykh izmenenii) [Identification and dramatization (to the theory of sociocultural changes)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 4, pp. 3-14.
7. Ionin L.G. (1996) Kul'tura i sotsial'naya struktura [Culture and social structure]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 3, pp. 31-42.
8. (2001) Istoriya Tuvy [History of Tuva]. Novosibirsk. Vol. 2.
9. Kruglova T.A. (2005) Iskusstvo sotsrealizma kak kul'turno-antropologicheskaya i khudozhestvenno-kommunikativnaya sistema: istoricheskie osnovaniya, spetsifika diskursa i sotsiokul'turnaya rol'. Doct. Dis. [The art of social realism as a cultural-anthropological and artistic-communicative system: historical foundations, the specifics of discourse and the socio-cultural role]. Ekaterinburg.
10. Kurbatskii G.I. Novaya obryadnost' v Tuve [New ritual in Tuva]. RF TIGI. D. 348. L. 4.
11. Lunacharskii A.V. (1993) Sotsialisticheskii realizm [Socialist realism]. *Sovetskii teatr* [Soviet theater], 2, p. 3.
12. Maslov M. (1933) Konets Uryankhaya [The End of Uryanhay]. Moscow.
13. Mongush S.Y. (2001) Prezhde vsego – pravda [First of all – the truth]. In: Tuva: XX vek: Narodnaya letopis' [Tuva: XX century: People's chronicle]. Kyzyl.
14. Moskalenko N.N. (2002) Etnopoliticheskie voprosy obrazovaniya Tuvinskoi Narodnoi Respubliki (1921-1944) [Ethno-political issues of education of the Tuva People's Republic (1921-1944)]. *EO*, 2, p.76.
15. Pal'mbakh A.A. (1942) XII let tuvinskoi pis'mennosti [XII years of Tuvan writing]. *Pod znamenem Lenina-Stalina* [Under the banner of Lenin and Stalin], 1942, 1, p. 76.
16. (1987) Revolyutsiya nam silu dala [The revolution gave us strength]. In: Spasibo Oktyabryu! [Thanks to October!]. Kyzyl.
17. Shoigu K.S. (2001) Pro chernogo grifa [About the black vulture]. Kyzyl.
18. (1987) Spasibo Oktyabryu! [Thanks to October!]. Kyzyl.
19. Zykin A.V. (2016) Analiz etnokul'turnoi identichnosti i etnoidentifikatsii korennykh narodov Yuzhnoi Sibiri [Analysis of ethnocultural identity and ethno-identification of indigenous peoples of Southern Siberia]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal], 7 (49), pp. 114-119.

20. Zykin A.V. (2018) Kul'tura i etnicheskoe samosoznanie shortsev v kontse XX – nachale XXI vekov [Culture and ethnic identity of the Shors in the late XX – early XXI centuries]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern science: current problems of theory and practice. Series: Cognition], 3 (78), pp. 17-20.
21. Zykin A.V. (2018) Kul'turnoe svoeobrazie i etnicheskoe samosoznanie khakasov [Cultural and ethnic identity of the Khakas]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern science: current problems of theory and practice. Series: Cognition], 4 (79), pp. 15-20.
22. Zykin A.V. (2017) K voprosu o natsional'noi idee shorskogo etnosa [On the question of the national idea of the Shor ethnos]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Advances in modern science and education], 4, 6, pp. 187-190.
23. Zykin A.V. (2018) K voprosu o svoeobrazii prazdnichnoi (tseremonial'noi) kul'tury tuvinskogo etnosa [On the issue of the peculiarity of the festive (ceremonial) culture of the Tuvinian ethnic group]. *Missiya konfessii* [Mission of confessions], 7, 6 (№33), pp. 711-723.
24. Zykin A.V. (2017) O nekotorykh osobennostyakh v ponimanii miroustroistva shortsev: sotsial'no-filosofskii analiz [On some features in the understanding of the world order of the Shors: a socio-philosophical analysis]. *Uspekhi sovremennoi nauki* [Advances in modern science], 1, 2, pp. 7-12.
25. Zykin A.V. (2015) Sotsial'no-filosofskii analiz traditsionnoi kul'tury malykh narodov Sibiri v sopostavlenii s russkoi [Socio-philosophical analysis of the traditional culture of small peoples of Siberia in comparison with the Russian]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [News of St. Petersburg State Agrarian University], 40, pp. 7-10.
26. Zykin A.V. (2016) Vliyanie bilingvizma na sostoyanie yazykovykh sistem russkogo i tyurkskikh yazykov Yuzhnoi Sibiri [Influence of bilingualism on the state of the language systems of Russian and Turkic languages of Southern Siberia]. *Obshchestvennye nauki* [Social Sciences], 2, pp. 387-399.
27. Zykin A.V. (2018) Znachenie etnonima «shortsy» v stanovlenii kul'turnogo koda i samoidentifikatsii shorskogo etnosa [The meaning of the ethnonym “Shors” in the formation of the cultural code and self-identification of the Shor ethnos]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 3 (36), pp. 31-35.